

Юрий Колкер

ДРУГИЕ МЕМОАРЫ

Предисловие к книге

Сергей Браун. *За рубежом бывшего,*
Достояние, Иерусалим, 2017

— Как? Ещё одни воспоминания? Не довольно ли с нас? — подумает иной читатель. — Ведь это всемирный потоп какой-то. И опять Сибирь, опять Совдепия! Что нового узнаем мы об этой проклятой Богом стране с её палачами, застенками и ГУЛАГом, о «стране социализма», под лозунгом всемирного братства и счастья утопившей в крови полмира?

На это отвечу: мы узнаем себя. Мы увидим судьбу, совсем не похожую на ту, что выпала нам, но — такова уж особенность настоящей литературы — самую этой непохожестью открывающая нам что-то существенное и прежде не понятое в нашей судьбе и душе.

Верно: все мемуары похожи друг на друга, как счастливые семьи. Все начинаются давидкоперфильдовской мутью: «сперва я родился, потом я учился, потом я за женщинами волочился» — но есть исключения. Верно, всем воспоминаниям присущ исповедальный пафос и исповедальная лукавинка, неустранимая, в природе жанра заложенная потребность чуть-чуть пошевелить бывшее (свойство, о котором сам Браун пишет с изумительной глубиной и блеском), — всё это мы проходили; мы прочли Жан-Жака Руссо, не говоря уже о Толстом, мы заглянули в Фому Аквинского. Мы знаем этот род литературы, а всё-таки эти мемуары — особенные, другие.

Тут мало сказать: Сергей Браун — настоящий писатель, что нечасто случается среди чистых мемуаристов, писателей, прежде не писавших. Это именно так, но это подступы, это *sine qua pop...* не будь этого, чорта с два мы увлеклись бы книгой! И мало сказать: Сергей Браун нов новизною сущностной, невыдуманной, ибо сумел выразить в слове свою человеческую индивидуальность, всегда единственную и неповторимую. Опять: это правда, но правда, бедная содержанием, минимальная, неброская... Какая, к слову, неброская, демократически-заурядная фамилия у этого писателя: Браун! Взял бы уж псевдоним, что ли! — Но вот это как раз неправда: фамилия Браун, как случается у родовитых евреев, — шкатулка, к которой требуется золотой ключик; она — акроним; она уводит в упоительную глубь времён, к Голконде мудрости, к рабби Нахману из Бреслау. Сергей Браун — из его потомков. А имя собственное? Уж тут-то нет подвоха? Видим златокудрого Серёгу Есенина в обнимку с подружкой перед самоваром с портвейном... Опять неправда: даже и в имени собственном писателя заложен упоительный секрет, скрыт смысл, не лежащий на поверхности, раскрывающийся в ходе повествования... и как раскрывающийся? — многозначно. Один из смыслов, хоть и не первый, а побочный, не могу не отметить, потому что он мимоходом ставит на место антисемитов, винящих евреев в большевизации России. В связи с этим простым русским именем — Сергей — в прозе Брауна невзначай встаёт во весь рост тот факт, что среди борцов против большевизма евреи тоже были первыми. (На деле их

было и в процентном отношении больше, чем среди большевиков, *из еврейства вышедших*, евреями быть переставших; какой из Троцкого еврей?!)

Писателя нельзя пересказать, его нужно прочесть. Любые особенности в пересказе — и даже при учёной попытке их осмысления — теряют в своём достоинстве («понять значит упростить»), если не вовсе искажаются; место им — в тексте писателя, в контексте его вселенной; выньте толстовство из Толстого, получите кукиш. Всё же одну особенность Сергея Брауна не отметить нельзя. Он сообщает о себе: говорю на семи языках. Это неточность: он *свободно читает* на семи языках, не только говорит; он дошкольником начал читать на четырёх языках — и читал со страстью («Ты, когда вырастешь, станешь писателем?») — «Нет, я стану читателем!»); он прочёл невероятно много, целую Александрийскую библиотеку и всю её держит в памяти. Профессор биохимии, признанный во всём мире специалист, он как профессионал ориентируется в любых областях мировой культуры, в любых закоулках знания; он знаток истории, академической и библейской; он мимоходом делает открытия в искусствоведении (первым заметил, что *Герника* Пикассо всего лишь повтор шартрского барельефа *Резня* Огюста Преё (1809-1879, Auguste Préault)), — и всё это явно и неявно присутствует в книге, рассказывающей о его жизни в Сибири и Латвии. Книга полна цитат, что, как мы знаем, не каждой книге льстит. Тут — каждая цитата на месте, останавливает мысль, раздвигает горизонты, добавляет выразительный штрих к портрету автора, а при этом в своей совокупности они образуют драгоценную галерею, в которой вдумчивый читатель проведёт часы, размышляя о жизни и смерти.

Тут же рядом, в рифме, стоит и другая, особенность книги Сергея Брауна, родственная первой: деятельная, неустанная мысль, оснащённая парадоксом и оксимороном. Писатель занят изображением через воспоминания (так это у всякого писателя, не только у мемуариста), но при этом мысль его превращает частное в общее. Такова европейская проза в своих взлётах; возьмите хоть *The Way of All Flesh* Батлера и спросите себя: разве это только воспоминания? Такова и проза Сергея Брауна. В названии своей книги Браун удерживает первое слово классической формулы *Былое и думы* и опускает второе, словно бы возражая Герцену: какое же былое без дум?! — а нас оставляет перед вопросом, на который можно ответить так: за рубежом былого лежат только три категории: настоящее, будущее и вечность; думы от былого неотрывны.

У всякого талантливого произведения, будь то сонет или роман-эпопея, имеется безошибочный индикатор: прочитав, мы спрашиваем себя: отчего я не написал чего-то подобного? ведь тут мои переживания, мои мысли, моя, хоть и не мною прожитая, жизнь! Вот с этим вопросом на устах, я уверен, думающий читатель и закроет книгу Сергея Брауна; с вопросом, означающим восхищение и благодарность.

21 ноября 2016,
Borehamwood,
Hertfordshire